

Глава 10. Ночной дождь в Великих Синих горах, Верный Феникс и аромат белого сандала

Принц Чэн, Чун Ю, и Чун Дай во главе пятидесятитысячного конного войска три месяца без усталости продвигались на север, идя ускоренным маршем под покровом ночи, пока наконец не углубились в теснины Великих Синих Гор. В один из дней впереди показались очертания крупного укрепленного городка. Направив скакуна вспять, Чун Дай поехал к крытому паланкину принца.

— Ваше высочество, впереди городок Наоэр. Нынешней ночью устроим там привал и переведем дух.

Отодвинув плотную занавесь, Чун Ю выглянул наружу. Чёрты его лица разительно походили на облик самого императора Чун И, однако в его глазах не было пугающего властного величия — лишь мягкое спокойствие и радушие человека, умудрённого годами.

— Городок Наоэр? — отозвался принц Чэн. — Значит, мы уже вышли на тракт в долине реки Пинхуа. Если повернуть направо и проехать ещё около сотни ли, покажется уезд Хэюань. Помнится, когда я сопровождал покойного отца в походе против варваров Бэйди, он поручил мне охрану обозов с провиантом именно в Хэюане. Как летит время... Кажется, будто всё это было вчера.

Чун Дай придержал поводья, поравнявшись с паланкином. Он никогда прежде не бывал в Хэюане, однако превосходно знал военную топографию Срединной равнины. Долина реки Пинхуа вела напрямик к заставе Медной Горы. Когда-то река, питаемая талыми ледниками Великих Синих Гор, была глубокой и полноводной, но позже её русло сместилось, оставив после себя лишь сухое глубокое ущелье — идеальный военный тракт. Наоэр лежал в горной котловине, тогда как Хэюань раскинулся на равнине, отчего эти два поселения истари служили главными воротами при походах на северных варваров Бэйди.

Тракт Пинхуа упирался в кручи Великих Синих Гор, преодолев которые, путник выходил к заставе Медной Горы, надёжно защищённой горной грядой. Наоэр, Хэюань и сухая долина реки складывались в подобие гигантской стрелы, нацеленной на земли Бэйди, где заставка Медной Горы служила её острием, грудью встречающей вражеские набеги. Что до уезда Хэюань, то он прикрывал заставу Небесного Замка. Сама эта заставка, впрочем, не могла похвастаться выгодным положением: здесь Великие Синие Горы резко обрывались, уступая место степному раздолью, куда и устремлялось новое русло реки Пинхуа. Благодаря обилию воды засушливый приграничный Хэюань превратился в процветающий оазис с плодородными угодьями, отчего и стал важнейшим тыловым складом, где накапливался провиант для действующей армии.

Заметив, что его спутник погрузился в раздумья, Чун Ю с улыбкой спросил:

— О чём задумались, генерал Чун?

— Думаю о том, — ответил Чун Дай, — что уезд Хэюань лежит на открытой равнине. Он уязвим

для ударов и не может сравниться с городком Наоэр, надёжно укрытым среди неприступных круч. К тому же гарнизон и припасы заставы Небесного Замка оставляют желать лучшего, им далеко до мощи заставы Медной Горы. Зачем же военное зерно издавна хранят именно в Хэюане? Стоит врагу прорвать оборону заставы Небесного Замка, и уезд мгновенно окажется в руках кочевников Бэйди. Войска лишатся снабжения, застава Медной Горы будет зажата с двух сторон, и последствия станут непоправимыми.

Чун Ю согласно кивнул:

— Неудивительно, что император столь высоко тебя ценит. Не зря говорят: «В делах мирских уповай на Фу Юаньшаня, в ратных — на Чун Цзыхоу, и престол пребудет в вечном покое». В столице я часто слышал о твоей проницательности и мудрости, которые редко встретишь среди обычных воинов. Сегодня я воочию убедился, что молва не лгала.

Принц внезапно умолк, не договорив. Чун Дай заметил тень сомнения на его лице и понял, что высокопоставленный попутчик не желает делиться лишними тайнами, а потому благоразумно не стал расспрашивать дальше, продолжая размышлять про себя.

Конь и паланкин долго двигались бок о бок в молчании. Вдруг над далеким пиком за клубились грозовые тучи, откуда донёсся глухой рокот грома. Погода в Великих Синих горах славилась своим коварством, и путникам пришлось поторопиться.

Пришпорив коня, Чун Дай вырвался вперёд и отдал приказ: всем пешим немедленно сесть в сёдла, растянуть походную колонну и прибавить ходу.

Глядя на удаляющуюся статную фигуру молодого генерала, Чун Ю тихо вздохнул, покачал головой и опустил занавеску паланкина.

Спустя некоторое время снаружи раздался почтительный голос. Это был личный слуга Чун Дая, смывлёный и юркий подросток по имени Чун Лю-эр. Приблизившись к паланкину, мальчишка застыл в глубоком поклоне, бережно прижимая к груди позолоченную медную курильницу Верного Феникса.

— А, это ты, Лю-эр, — отозвался принц Чэн. — Почему не прислуживаешь хозяину, а явился ко мне выслуживаться? Смотри, у меня для тебя наград не припасено.

Лю-эр ловко проскользнул внутрь, аккуратно пристроил курильницу в углу паланкина, прикрыл тлеющие угли золой и, завидев тонкую струйку ароматного дыма, с широкой улыбкой обернулся к принцу:

— Помилуйте, ваше высочество! Мой господин изволил заметить, что здешние ночные дожди холодны до костей и к утру обращаются в изморозь. Он знает, как тяжело ваше высочество переносит сырость, а потому и велел принести эту курильницу.

Мальчишка слегка помахал ладонью, разгоняя дым по паланкину. Воздух мгновенно наполнился густым, чуть горьковатым ароматом. Откинувшись на расшитые шелком подушки, Чун Ю прикрыл глаза.

— Белый сандал?

Лю-эр налил горячего чая, бережно поставил чашку на столик и с восхищением прищелкнул языком:

— Ну и проницательность у вашего высочества! Стоило один раз вдохнуть — и сразу признали белый сандал. Мне-то, недотёпе, в таких тонкостях вовек не разобраться. Но господин именно его велел взять. Сказал, что белый сандал по природе своей сух и горяч, а потому отлично прогоняет сырость. И ещё добавил, мол, эта курильница в виде птицы с острым клювом высока, отчего её благовоние расходится шире, а благодаря искусному кружеву резьбы дым струится гуще.

Чун Ю только успел сделать глоток горячего чая, как от слов «в виде птицы с острым клювом» прыснул со смеху, обдав Лю-эра брызгами, и в шутку выбранился:

— Ах ты, несносный болтун! Эта курильница Верного Феникса — изысканная дворцовая утварь! Какая ещё птица с острым клювом? Неуч неотёсанный, ничего-то ты в прекрасном не смыслишь!

Лю-эр ничуть не обиделся. Довольный собой, он утёр лицо рукавом, вытащил платок и принялся бережно промакивать капли чая с полы принчевых одежд, не замолкая ни на мгновение:

— Всё верно ваше высочество изволили сказать, дурак я и есть дурак. Но господин наказывал: хоть белый сандал и прогоняет стужу, долго вдыхать его вредно для духа. Потому мне велено побыть здесь и убрать курильницу, как пройдёт половина стражи.

— Твой господин на редкость заботлив, — вздохнул Чун Ю.

В прежние годы, участвуя в военных походах, Чун Ю однажды провёл трое суток под проливным дождём, из-за чего нажил жестокую ломоту в костях и суставах. С тех пор он пуще прежнего страдал от сырости и горного ветра. Этот паланкин, пожалованный ему лично императором, был невероятно просторным, и стоило войску войти в ущелье, как сквозь плотные пологи просочился ледяной сквозняк. Даже войлочная обивка стен не спасала от холода. Но стоило сизым струйкам сандалового дыма наполнить пространство, как сырость отступила, воздух потеплел, и Чун Ю почувствовал, как онемевшие было пальцы рук и ног постепенно отходят.

Примерно через полчаса Лю-эр унёс курильницу.

Чун Ю одолела дремота. Долгое вдыхание сандала порой будоражило кровь и лишало душевного покоя, но сейчас тепло лишь усыпляло. Смежив веки, принц прислушался к монотонному, приглушённому стуку первых дождевых капель по плотной ткани крыши. Началась гроза.

Вскоре снаружи раздался тихий вежливый голос. Узнав по интонации Чун Дая, принц велел ему войти.

Молодой генерал вошёл, стряхивая капли дождя с лица и плеч. Он уже успел снять тяжёлые доспехи и теперь предстал в простом синем халате, поверх которого была наброшена серая жилетка на лисьем меху. На его поясе красовался расшитый узорами из тончайшего шуского шёлка парный мешочек для благовоний с изображением цилиндя — отличительный знак «господина Muskusa и Орхидеи» — и подвеска из полупрозрачного нефрита. Весь его облик дышал утончённым изяществом, а скромный и достойный вид выдавал в нём человека высокого происхождения.

Следом за хозяином скользнул Лю-эр. Паренек лукаво поблескивал глазами и неизменно улыбался. Он бережно нёс жаровню с потрескивающими углями. Поставив её у ног принца Чэна, мальчишка отвесил поклон и беззвучно выскользнул наружу.

Чун Дай достал из широкого рукава небольшую вещицу и почтительно протянул Чун Ю.

— Ваше высочество, мы выступили спешно, и в пути вас окружают лишь неотёсанные солдаты, не умеющие услужить как подобает. К тому же мы вошли в горы в самую непогоду. Местные дожди коварны, и правильнее было бы переждать грозу в каком-нибудь укрытии. Однако почва в долине слишком рыхлая: если ливень затянется, дорогу размочит, и лошади увязнут в грязи. Придётся идти всю ночь без остановки. Боюсь, вам не удастся толком отдохнуть, поэтому я велел приготовить эти скромные вещи, чтобы согреть вас в пути.

Чун Ю взял подношение. Это оказалась миниатюрная девятикратная ручная грелка, украшенная тончайшей гравировкой и сканью. Внутренняя чашечка для углей была устроена столь искусно, что под каким бы углом ни наклоняли прибор, она сохраняла равновесие, исключая опасность просыпать горящую золу — незаменимая вещь в тряске на ухабистых дорогах. Посеребрённый корпус, расписанный эмалью, лоснился от долгого использования; очевидно, Чун Дай расстался с собственной любимой вещицей.

Они обменялись ещё парой незначительных фраз, после чего Чун Дай поклонился, собираясь уйти.

— Погоди, Цзыхоу, не спеши, — остановил его принц. — Где же ты сам устроишься на ночлег в такую ненастную ночь?

— Ваше высочество, горные тропы и без того опасны, а под проливным дождём впотьмах и вовсе ничего не разглядеть. Я планирую оставаться в седле во главе отряда, так что отдыхать мне недосуг.

Поглаживая тёплые бока изящной грелки, Чун Ю покачал головой:

— Эти всадники — ветераны заставы Медной Горы, они знают эти места как свои пять пальцев. Тебе незачем лично присматривать за ними в такой ливень.

— Чем скорее мы достигнем городка НАОэр, тем быстрее войско сможет перевести дух. К тому же для меня это прекрасная возможность изучить перевалы Великих Синих Гор.

— Искусство полководца состоит в том, чтобы направлять армию из шатра, а не взваливать на себя тяготы каждого солдата. Позади три месяца изнурительного пути. Ты — наследник знатного дома, негоже тебе делить невзгоды наравне с простыми ратниками.

— Его величество оказал мне великую милость, доверив авангард. Это мой первый самостоятельный поход в столь глубокий тыл врага, и я обязан знать каждую мелочь, дабы оправдать высочайшее доверие.

Видя его непреклонность, Чун Ю не стал спорить.

— Что ж, воля твоя. Но под дождём легко простудиться, а в доспехах ехать неудобно. Твой же лёгкий халат совсем не греет. Эй, кто-нибудь! Принесите мою подбитую заячьим пухом шёлковую накидку для генерала Чуна.

Слуга тотчас внёс тёплый плащ из тёмно-пурпурного набивного хлопка, подбитый густым мехом белого зайца. Снаружи он был простёган тончайшими шёлковыми нитями. С виду лёгкий, этот плащ на удивление надёжно хранил тепло.

Чун Дай вежливо попытался отказаться, но принц настоял на своём с мягкой непреклонностью царственной особы. Генералу ничего не оставалось, кроме как снять промокшую лисью безрукавку, облачиться в роскошную накидку, а жилет набросить поверх. Сердечно поблагодарив принца, он откланялся.

Чун Ю рассеянно поглаживал узоры на грелке, провожая взглядом статную фигуру уходящего генерала. Поистине, Чун Дай обладал редким благородством и выправкой. Взгляд принца скользнул к жаровне. До чего же чутким оказался этот юноша: угадал застарелую боль в суставах и позаботился о покое старшего.

«Цзыхоу, Цзыхоу... Твою преданность и заботу я вовек не забуду»